

УДК 343.35

Светлана Александровна СТУПИНА,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск), кандидат юридических наук, доцент
sstupina@mail.ru

Александра Сергеевна ШЕРСТЯНЫХ,
доцент кафедры информационно-правовых дисциплин
и специальной техники Сибирского юридического ин-
ститута МВД России (г. Красноярск), кандидат техниче-
ских наук, доцент

sher_as@bk.ru

ЧЛЕНЫ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ КАК СУБЪЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И ГРАЖДАНСКО- ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

MEMBERS OF GOVERNING BODIES OF COMMERCIAL PARTNERSHIP AS SUBJECTS OF CRIMINAL LEGAL AND CIVIL LEGAL LIABILITY FOR CORRUPTION OFFENCES

В статье авторами на основе всестороннего комплексного анализа отдельных положений гражданского законодательства в части правового регулирования деятельности хозяйственных обществ и положений уголовного законодательства, предусматривающих ответственность за коррупционные посягательства в частной сфере, определяются существенные признаки специального субъекта преступлений, предусмотренных ст. 201 и ст. 204 УК РФ. Исследуются некоторые особенности гражданско-правовой ответственности членов органов управления хозяйственных обществ за вред, причиненный преступлениями коррупционной направленности. Анализ гражданско-правовой и уголовно-правовой ответственности этих субъектов с учетом приведенного состояния коррупции в рассматриваемой сфере позволил авторам сформулировать некоторые направления совершенствования как гражданского, так и уголовного законодательства.

The authors, based on a comprehensive and complex analysis of certain provisions of civil law in terms of legal regulation of commercial partnership and some provisions of criminal law providing liability for corruption offenses in the private sphere, define the significant indications of a special subject of crimes covered by Article 201 and Article 204 of the Criminal Code of the Russian Federation and study some peculiarities of civil law liability of members of governing bodies of commercial partnership for harm caused by corruption offences. In addition, analysis of civil law and criminal law liability of these subjects, taking into account the given state of corruption in this field, allowed the authors to formulate some directions for improving both civil and criminal legislation.

Ключевые слова: коррупция, преступность, органы управления хозяйственных обществ, уголовная ответственность, гражданско-правовая ответственности

Keywords: corruption, crime, governing bodies of commercial partnership, criminal liability, civil legal liability.

Изучение вопросов уголовно-правовой и гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный преступлениями коррупционной направленности, которые совершены членами органов управления хозяйственных обществ, видов такой ответственности, оснований и условий ее наступления невозможно без конкретного определения ее субъектов.

Исходя из цели нашего исследования, круг субъектов гражданско-правовой ответственности считаем обоснованным ограничить именно органами управления хозяйственных обществ и их членами, которые являются физическими лицами. В связи с этим целесообразно рассмотрение правовых категорий: виды органов управления хозяйственного общества, их классификация и член органа управления.

Указанное актуально и для всестороннего понимания гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный, прежде всего хозяйственным обществам, преступлениями коррупционной направленности. Также это актуально и для вопросов правильной квалификации деяний по составам преступлений, предусмотренных ст. 201, 204 УК РФ, специальным субъектом которых выступает лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации.

Заметим, что если первоначально в качестве такого субъекта понималось лицо, выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в организации, то Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ определение было дополнено и уточнено тем, что к числу таких лиц необходимо относить лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа.

Прежде чем непосредственно перейдем к рассмотрению признаков субъектов исследуемых видов юридической ответственности, кратко осветим современную ситуацию с коррупционной преступностью в частно-правовой сфере, которая наиболее латентна, поскольку вред причиняется, как правило, организациям, компаниям, соответственно,

в основном такие преступления попадают в поле зрения правоохранительных органов в случае причинения вреда также интересам публичной сферы.

В ракурсе указанного и актуально рассматривать комплексно и уголовную, и гражданско-правовую ответственность.

Обратим внимание на современное состояние коррупционной преступности в частном секторе. Согласно официальным статистическим данным МВД России, пик зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 201 УК РФ «Злоупотребление полномочиями», приходился на 2015 г. (528 преступлений, +125 к показателю 2014 г., т.е. прирост составил более 30%). В 2016 г. и 2017 г. количество анализируемых деяний стало снижаться и соответственно составило 309 и 215, т.е. по отношению к 2015 г. их количество уменьшилось более чем в два раза. Однако по итогам 2018 г. зарегистрированы уже 233 таких преступлений (+8% к показателям 2017 г.).

Наибольшее распространение за пять последних лет злоупотребление полномочиями имеет место в Южном федеральном округе (0,243 на 100 тыс. населения). Вплоть до 2018 г. (с 2014 по 2017 гг.) высокий уровень преступлений, предусмотренных ст. 201 УК РФ, фиксировался в Дальневосточном федеральном округе. К примеру, в 2014 г. коэффициент таких преступлений в расчете на 100 тыс. населения в этом округе составлял около 0,6, в то время как в Уральском федеральном округе он составил около 0,1. Однако уже в 2018 г. по этим же округам коэффициент практически сравнялся, и по Дальневосточному округу стал даже несколько меньше (0,097, а в Уральском федеральном округе – 0,121).

Стабильно низкие показатели рассматриваемого коэффициента исследуемых преступлений фиксируется в Сибирском федеральном округе (например: 0,064 на 100 тыс. населения в 2018 г. – самый низкий показатель).

Практически аналогичная ситуация как по России, так и по федеральным округам и с состоянием и уровнем преступлений, предусмотренных ст. 201 УК РФ «Коммерческий

подкуп», количество которых после 2015 г. стабильно снижается – в 2014 г. были зарегистрированы 1557 преступлений, в 2015 г. – 1802, начиная с 2016 г. цифры по годам соответственно – 1165, 840 и 740.

Коммерческий подкуп в расчете на 100 тыс. населения в 2017 г. и в 2018 г. наиболее распространен в Приволжском и Южном федеральных округах (0,719 и 0,578 на 100 тыс. населения соответственно). Заметим, что в Приволжском федеральном округе анализируемый показатель имеет высокое значение на протяжении последних пяти лет. К примеру, в 2015 г. он составлял 1,384. Самый высокий коэффициент по итогам 2015 г. и 2016 г. фиксировался в Дальневосточном федеральном округе (1,870 и 1,503 соответственно).

Если сравнивать коррупционные преступления в рамках преступлений против службы в коммерческих и иных организациях и преступлений против интересов государственной службы и службы в органах государственной власти и местного самоуправления, то количество злоупотреблений полномочиями (ст. 201 УК РФ) и коммерческого подкупа (ст. 204 УК РФ) значительно меньше, чем количество регистрируемых так называемых собственно должностных преступлений, предусмотренных ст. 285, 290 и 291 УК РФ.

В целом же должностные же преступления наиболее распространены в Уральском, Северо-Западном, Северо-Кавказском и Южном округах.

Из вышеизложенного следует, что чаще факты противоправного коррупционного поведения правоохранительными органами фокусируются в основном в сфере государственной службы в государственных органах и органах местного самоуправления, но утверждать, что в сфере службы в коммерчески и иных организациях таких преступлений действительно меньше, было бы преждевременно, поскольку именно в этой сфере коррупционные деяния могут быть ошибочно расценены как гражданско-правовые отношения, что определяет их рассмотрение в рамках частных отношений путем разрешения ложившихся ситуаций самостоятельно с помощью использования права на судебную защиту.

Тонкая грань между противоправностью деяния в свете его коррупционности и поведением физических и юридических лиц в гражданско-правовой сфере по осуществлению своих прав на совершение сделок может и быть одной из причин латентности таких преступлений, как злоупотребление полномочиями и коммерческий подкуп.

Уместно будет дословно привести точное наблюдение профессора Е.Г. Комиссаровой о том, что в России право – «это дистанция, которую надо сохранить, но проявить при этом изобретательность», манипулируя гражданско-правовыми конструкциями, где «авторитет частного права... конфликтует с действительностью», в которой воплощен «весьма самобытный образ частного права, благодаря которому сознание предпринимателя "изгибается" в нужную ему сторону», а «юристы, занятые в сфере экономики, превращаются в юридических "фокусников"» [5, с. 162].

Отчасти латентность преступлений коррупционной направленности определяется спецификой субъекта этих противоправных деяний, что в ряде случаев ставит вопрос не об уголовной ответственности, а о гражданско-правовой либо вообще исключает такие виды юридической ответственности.

Рассмотрим подробнее сущностные черты и признаки таких субъектов уголовно-правовой и гражданско-правовой ответственности за преступления коррупционной направленности в частно-правовой сфере, как члены органов управления хозяйственных обществ.

Начнем с того, что до сих пор является дискуссионным вопрос о составе органов хозяйственного общества.

В соответствии с действующим законодательством «в хозяйственных обществах могут быть следующие основные органы управления: высший орган, исполнительные органы, а также контролирующий коллегиальный орган управления, осуществляющий надзор за деятельностью исполнительных органов и выполняющий иные функции, возложенные на него законом или уставом (п. п. 1, 4 ст. 65.3, п. 3 ст. 97, п. 2 ст. 123.17 ГК РФ)» [9].

Для всестороннего понимания возможности привлечения к гражданско-правовой

ответственности важно учесть компетенцию органов хозяйственных обществ, на что неоднократно указывалось судами (например, постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 13.09.2006 № Ф08-4455/2006 по делу № А63-1038/2005-С3, обзор судебной практики, подготовленный для СПС КонсультантПлюс «Вопросы судебной практики: Совет директоров (наблюдательный совет) и исполнительные органы акционерного общества»). Поэтому кратко охарактеризуем компетенцию этих органов. «Органы юридического лица состоят из физических лиц, но не отождествляются с ними. Изменение персонального состава органа управления не отменяет ранее принятые этим органом решения. Правовым средством, с помощью которого права и обязанности юридического лица преобразуются в права и обязанности его органов, является компетенция. Компетенция органа общества обусловлена правоспособностью самого юридического лица» [6].

Для установления гражданско-правовой ответственности органов хозяйственных обществ, по нашему мнению, обоснованно придерживаться комплексного определения компетенции, которое вывела В.В. Долинская, объединив достоинства различных позиций в соотношении с действующим законодательством и рассмотрев компетенцию как «систему, включающую два элемента: 1) предмет ведения и 2) полномочия – совокупность прав и обязанностей в сфере отношений, основанных на властном подчинении одной стороны другой (п. 3 ст. 2 ГК РФ). Иначе говоря, это совокупность вопросов, решения по которым полномочны принимать те или иные лица (в нашем случае – органы управления акционерным обществом)» [4].

В свете этого считаем, что исключительная компетенция и распределение полномочий характеризуют органы хозяйственного общества как относительно независимые структурные единицы корпоративного юридического лица.

«В законодательстве о хозяйственных обществах заложен принцип так называемой остаточной компетенции, суть которого заключается в том, что формирование компетенции каждого органа управления строится

по формуле: в компетенцию включаются полномочия по решению тех вопросов, которые не относятся к исключительной компетенции вышестоящего органа» [6].

Компетенция органов хозяйственного общества определяется законодательством и учредительными документами организации (абз. 2 п. 1 ст. 54 ГК РФ).

На сегодняшний день в мировой практике наиболее часто встречаются две системы управления хозяйственным обществом: двухзвенная и трехзвенная. Двухзвенная система управления характерна для стран англосаксонской правовой системы. В этих странах в органы управления входят общее собрание акционеров и один орган, управляющий делами корпорации. Трехзвенная система органов управления характерна для стран романо-германской ветви права. В данную систему, помимо общего собрания участников и исполнительного органа, включен наблюдательный совет (контролирующий орган).

В Российской Федерации смешанная система управления, что позволяет иметь в составе органов управления и общее собрание, и исполнительный орган, и совет директоров (наблюдательный совет) [1]. Действующее законодательство предусматривает, что в корпорации может быть образован в случаях, предусмотренных ГК РФ, другим законом или уставом корпорации, коллегиальный орган управления (наблюдательный или иной совет), контролирующий деятельность исполнительных органов корпорации и выполняющий иные функции, возложенные на него законом или уставом корпорации (п. 4 ст. 65.3 ГК РФ).

В соответствии со ст. 64 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – Закон об АО) уставом общества может быть предусмотрено, что функции совета директоров (наблюдательного совета) осуществляет общее собрание акционеров. Таким образом, акционеры вправе принять решение о внесении изменений в устав и упразднении совета директоров (наблюдательного совета). Законодатель также допускает передачу отдельных полномочий совета директоров (наблюдательного совета) общему собранию акционеров.

В публичном акционерном обществе предусмотрено обязательное образование коллегиального органа управления (наблюдательного совета) (п. 3 ст. 97 ГК РФ). При этом судебная практика занимает позицию, что передача полномочий совета директоров (наблюдательного совета) общему собранию не является обстоятельством, ущемляющим права акционеров.

В целом, по мнению О.А. Макаровой, в основу отечественной системы корпоративного управления положены два принципа: принцип разделения управленческих (исполнительных) и контрольных функций (дуалистический принцип) и принцип свободы образования исполнительного органа общества [7, с. 272].

«Исходя из компетенции органов, к органам управления относятся: общее собрание акционеров (участников), единоличный исполнительный орган, коллегиальный исполнительный орган, а к органам контроля – ревизионная комиссия. Следует отметить, что совет директоров (наблюдательный совет) относится одновременно как к органам управления, так и к органам контроля. Управляющая организация или управляющий вообще не являются органами управления и контроля, а осуществляют функции единоличного исполнительного органа на основании гражданско-правового договора. Между тем их ответственность наступает по тем же основаниям, что и у членов органов управления юридического лица, которые сами являются юридическими лицами. Управляющая организация и управляющий как лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, будут нести ответственность, если не докажут, что неисполнение или ненадлежащее исполнение их обязанности по управлению и контролю перед юридическим лицом оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств» [11, с. 24-25].

В соответствии со ст. 65.3 ГК РФ управление в хозяйственных обществах осуществляют высший орган, единоличный исполнительный орган, коллегиальный исполнительный орган и коллегиальный орган.

Высшим органом управления корпоративных юридических лиц (корпораций) является общее собрание их участников (п. 1 ст. 65.3 ГК РФ). В корпоративной организации высший орган управления в силу п. 1 ст. 65.1 и п. 1 ст. 65.3 ГК РФ является обязательным в связи с участием учредителей (участников) в управлении делами организации (членством). Если иное не предусмотрено ГК РФ или другим законом, к исключительной компетенции высшего органа корпорации относятся полномочия, определенные п. 2 ст. 65.3 ГК РФ.

Компетенция общего собрания участников хозяйственного общества (корпоративной организации) определяется уставом общества и законом (п. 4 ст. 48 Закона об АО, п. 1 ст. 33 Федеральный закон от 08.02.1998 ⁹ 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закона об ООО).

Перечень вопросов, относящихся к компетенции общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью, указан в п. 2 ст. 33 Закона об ООО.

Перечень вопросов, относящихся к компетенции общего собрания акционеров, указан в п. 1 ст. 48 Закона об АО.

К исключительной компетенции общего собрания участников хозяйственного общества наряду с вопросами, указанными в п. 2 ст. 65.3 ГК РФ, относятся и те, которые определены в п. 2 ст. 67.1 ГК РФ.

К исключительной компетенции высшего органа общественной организации наряду с вопросами, указанными в п. 2 ст. 65.3 ГК РФ, относится также принятие решений о размере и порядке уплаты ее участниками (членами) членских и иных имущественных взносов (п. 1 ст. 123.7 ГК РФ).

Исполнительный орган корпорации может быть единоличным (директор, генеральный директор, председатель и т.п.) и коллегиальным (правление, дирекция и т.п.). В качестве единоличного исполнительного органа корпорации может выступать как физическое лицо, так и юридическое лицо (абз. 1 п. 3 ст. 65.3 ГК РФ).

В хозяйственном обществе избрание единоличного исполнительного органа обязательным не является, поскольку его полномочия могут быть переданы другому

хозяйственному обществу (управляющей организации) или индивидуальному предпринимателю (управляющему) (пп. 2 п. 2 ст. 67.1 ГК РФ).

Уставом корпорации может быть предусмотрено предоставление полномочий единоличного исполнительного органа нескольким лицам, действующим совместно, или образование нескольких единоличных исполнительных органов, действующих независимо друг от друга (абз. 3 п. 1 ст. 53, п. 3 ст. 65.3 ГК РФ).

Вместе с тем в случаях, предусмотренных ГК РФ, другим законом или уставом организации, в корпорации наряду с единоличным исполнительным органом (председатель, президент и т.п.) может образовываться постоянно действующий коллегиальный исполнительный орган (правление, президиум, дирекция и т.п.) (абз. 2 п. 3 ст. 65.3, п. 1 ст. 106.4 ГК РФ).

Наличие коллегиального исполнительного органа не является обязательным, если ГК РФ, другим законом или уставом создаваемого общества не предусмотрено наличие коллегиального исполнительного органа. Функции коллегиального исполнительного органа могут передаваться единоличному исполнительному органу (пп. 3 п. 3 ст. 66.3 ГК РФ).

Права и обязанности единоличного исполнительного органа хозяйственного общества определяются уставом общества, внутренними документами общества, законом, иными правовыми актами РФ и договором, заключаемым с обществом (п. 4 ст. 40 Закона об ООО, абз. 2 п. 3 ст. 69 Закона об АО).

Единоличный исполнительный орган общества (п. 3 ст. 40 Закона об ООО, абз. 3 п. 2 ст. 69 Закона об АО):

1) без доверенности действует от имени общества, в том числе представляет его интересы и совершает сделки;

2) выдает доверенности на право представительства от имени общества, в том числе доверенности с правом передоверия;

3) издает приказы о назначении на должности работников общества, об их переводе и увольнении, применяет меры поощрения и налагает дисциплинарные взыскания;

4) осуществляет иные полномочия, не отнесенные законом или уставом общества к компетенции общего собрания участников

общества, совета директоров (наблюдательного совета) общества и коллегиального исполнительного органа общества.

Порядок деятельности коллегиального исполнительного органа (правления, дирекции и т.п.) хозяйственного общества и принятия им решений устанавливается ГК, другим законом, иными правовыми актами РФ, уставом общества, внутренними документами общества (п. 2 ст. 41 Закона об ООО, абз. 2 п. 3 ст. 69 Закона об АО).

Образование исполнительных органов хозяйственных обществ и досрочное прекращение их полномочий осуществляются по решению общего собрания участников общества (акционеров), если уставом общества решение этих вопросов не отнесено к компетенции совета директоров (наблюдательного совета общества) (п. 3 ст. 69 Закона об АО, п. 1 ст. 40 Закона об ООО).

В случаях, предусмотренных ГК РФ, другим законом или уставом корпорации, вместе с исполнительными (единоличным и коллегиальным) органами, указанными в п. 3 ст. 65.3 ГК РФ, в корпорации может быть также образован коллегиальный орган управления (совет директоров, наблюдательный или иной совет), контролирующей деятельность исполнительных органов корпорации и выполняющий иные функции, возложенные на него законом или уставом корпорации (п. 4 ст. 65.3 ГК РФ).

В публичном акционерном обществе образование коллегиального органа управления (наблюдательного совета общества) является обязательным (п. 4 ст. 65.3, п. 3 ст. 97 ГК РФ).

В обществе с числом акционеров – владельцев голосующих акций менее пятидесяти устав общества может предусматривать, что функции совета директоров общества (наблюдательного совета общества) осуществляет общее собрание акционеров.

Лица, осуществляющие полномочия единоличных исполнительных органов корпораций, и члены их коллегиальных исполнительных органов не могут составлять более одной четверти состава коллегиальных органов управления корпораций и не могут являться их председателями (п. 4 ст. 65.3 ГК РФ).

Уставом общества к компетенции совета директоров хозяйственного общества (наблюдательного совета общества) могут быть отнесены образование исполнительных органов и досрочное прекращение их полномочий, а также принятие решения о передаче полномочий единоличного исполнительного органа хозяйственного общества управляющему, утверждение такого управляющего и условий договора с ним (п. 1 ст. 65 и абз. 2 п. 4 ст. 69 Закона об АО, пп. 4 п. 2 ст. 33 Закона об ООО, пп. 2 п. 2 ст. 67.1 ГК РФ).

К компетенции совета директоров акционерного общества (наблюдательного совета общества) относится ряд вопросов, установленных п. 1 ст. 65 Закона об АО.

Таким образом, согласно ст. 65.3 ГК РФ определены органы корпорации (высший орган корпорации, единоличный исполнительный орган, коллегиальный исполнительный орган, коллегиальный орган управления) и их компетенция, которая также раскрывается в дальнейших положениях ГК РФ и Законе об АО и Законе об ООО.

Отметим, что помимо органов юридического лица управление им может также осуществлять коммерческая организация (управляющая организация) или индивидуальный предприниматель (управляющий), которым на основании договора могут быть переданы полномочия единоличного исполнительного органа общества.

Возможность передачи полномочий единоличного исполнительного органа (Генерального директора) коммерческой организации или индивидуальному предпринимателю прямо предусмотрена в ст. 42 Закона об ООО и в ст. 69 Закона об АО.

Д.И. Мейер замечал: орган юридического лица «может быть составлен или таким образом, что несколько физических лиц составляют орган юридического лица, или все лица, входящие в состав юридического лица, в совокупности составляют его орган» [9, с. 146].

Отдельно необходимо заметить, что в научной литературе присутствует и понятие «вспомогательные органы хозяйственного общества» [10, с. 253-254], к числу которых относят счетную комиссию, президиум общего собрания, корпоративного секретаря. Ука-

занные образования органами юридического лица, с нашей точки зрения, не являются. Считаем, что указанные органы в соответствии с ГК РФ и Законам об АО и Законом об ООО не обладают самостоятельной компетенцией, и, как следствие, таким образом, не могут создавать для юридического лица права, а также принимать от его имени обязанности. В целом полагаем, что такие структурные образования предназначены для осуществления именно вспомогательных функций.

Кроме этого хотелось бы указать еще одно положение о составе органов хозяйственных обществ. К их числу, по мнению некоторых специалистов [2], относятся председатель совета директоров и руководитель коллегиального исполнительного органа. Сложно согласиться с таким суждением. Согласно п. 3 ст. 65.3 ГК РФ «В случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, другим законом или уставом корпорации, в корпорации образуется коллегиальный исполнительный орган (правление, дирекция и т.п.)». Соответственно, эти лица не обладают возможностью реализации правоспособности юридического лица. Поэтому неоднозначна формулировка п. 2 ст. 32 Закона об ООО о необходимости определения компетенции председателя совета директоров уставом общества. Как было отмечено нами ранее, компетенция в первую очередь характерна и определяется для органов общества.

Вышеизложенное, а также анализ ст. 53, 53.1 ГК РФ, ст. 71 Закона об АО, ст. 44 Закона об ООО позволяют определить перечень субъектов гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный преступлениями коррупционной направленности. Этот перечень состоит из единоличного исполнительного органа, членов коллегиального исполнительного органа, членов коллегиального органа управления, управляющего, а также лица, которое имеет фактическую возможность определять действия юридического лица.

В связи с этим отметим, что в целом в рамках исследования уголовно-правовой и гражданско-правовой ответственности органов хозяйственных обществ не следует игнорировать организационно-структурный блок кор-

поративного управления. Значимые для деятельности, например, акционерных обществ вовне и для внутрикорпоративных отношений функции осуществляют иные органы и должностные лица и прежде всего ревизионная комиссия (ревизор) (ст. 85 Закона об АО), счетная комиссия (в непубличном АО с числом акционеров – владельцев голосующих акций общества более 100, но не более 500 (п. 4 ст. 97 ГК РФ, ст. 56 Закона об АО)), корпоративный секретарь; служба внутреннего контроля (внутренний аудит). Эти лица также выступают субъектами коррупционных преступлений (в первую очередь злоупотребления полномочиями и коммерческого подкупа) и их деятельность также причиняет вред корпоративным юридическим лицам.

Важно заметить, что ни в ГК РФ, ни в Законе об АО и Законе об ООО, ни тем более в УК РФ надлежаще не регламентирована ответственность членов высшего органа управления – общего собрания участников (в обществах с ограниченной ответственностью) и общего собрания акционеров (в акционерных обществах).

Если с вопросами уголовной ответственности по ст. 201 УК РФ и ст. 204 УК РФ можно определиться с учетом разъяснений, данных по субъекту в примечании 1 к ст. 201 УК РФ, согласно которой член высшего органа управления может быть признан специальным субъектом только при условии, если он постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях, то, наиболее актуален вопрос, несут ли члены общего собрания акционеров или общего собрания участников хозяйственного общества гражданско-правовую ответственность по ст. 53.1 ГК РФ. Заметим, что этот вопрос уже неоднократно поднимался в научных исследованиях [например: 11, с. 34-35].

Участие в общем собрании акционеров или в общем собрании участников – это реализация указанными лицами своего права на управление хозяйственным обществом. Они имеют право участвовать в общем собрании, выдвигать вопросы на повестку дня, голосовать по этим вопросам, обжаловать решение

общего собрания акционеров (участников).

Если анализировать положения ГК РФ в части непосредственного регулирования ответственности акционеров в акционерном обществе и на участников в обществе с ограниченной ответственностью, то отметим, что нет указания на то, что они должны действовать добросовестно, разумно и в интересах юридического лица от его имени. Возможно лишь применение общих императивных положений ст. 10 ГК РФ.

Положения ст. 53.1 ГК РФ не распространяют свое действие на членов хозяйственных обществ. Однако они могут нести ответственность по иным основаниям в рамках общих положений о гражданско-правовой ответственности. Так, в соответствии с действующим законодательством, участники будут нести ответственность только перед кредиторами хозяйственного общества в случае его несостоятельности (банкротства). В соответствии с ч. 3 ст. 3 Закона об АО, если несостоятельность (банкротство) общества вызвана действиями (бездействием) его акционеров или других лиц, которые имеют право давать обязательные для общества указания либо иным образом имеют возможность определять его действия, то на указанных акционеров или других лиц в случае недостаточности имущества общества может быть возложена субсидиарная ответственность по его обязательствам.

Часть 1 ст. 2 Закона об АО устанавливает для акционеров, не полностью оплативших акции, солидарную ответственность по обязательствам акционерного общества в пределах стоимости принадлежащих им акций. Между тем акционер несет ответственность не как член органа управления юридического лица, а как лицо, которое не исполнило свою обязанность по оплате акции. Очевидно, что такая ответственность не может квалифицироваться по ст. 53.1 ГК РФ.

Соответственно, «акционеры и участники хозяйственных обществ не несут гражданско-правовой ответственности как члены органов управления по пунктам 1, 2 ст. 53.1 ГК РФ ни перед хозяйственным обществом, ни перед другими акционерами, участниками. Ответственность для них может наступить по прави-

лам п. 3 ст. 53.1 ГК РФ как для лиц, которые имеют фактическую возможность определять действия юридического лица, что, впрочем, согласуется и с вышеуказанными особенностями уголовной ответственности таких лиц.

Помимо этого для акционеров и участников может наступить субсидиарная ответственность, в том случае, если будет доказана их вина в доведении хозяйственного общества до несостоятельности (банкротства)» [11, с. 35].

Кроме этого «из системного толкования действующего законодательства судами и учеными может быть сделан вывод, что единственного учредителя нельзя привлечь к ответственности за убытки, причиненные обществу во время осуществления им функций единоличного исполнительного органа» [12, с. 180-183].

Подводя итог, отметим следующее.

Органы хозяйственного общества выступают в гражданском обороте от имени юридического лица и в его интересах. Орган управления хозяйственного общества является частью юридического лица, поэтому самостоятельным субъектом уголовно-правовой и гражданско-правовой ответственности быть не может.

Член органа управления несет ответственность, связанную с ненадлежащим исполнением им своих обязанностей по отношению к юридическому лицу.

Высший орган управления хозяйственного общества не выступает субъектом гражданского права и, соответственно, не несет ответственность как орган юридического лица. Члены такого органа не несут ответственность как члены органа управления хозяйственного общества за принятые ими решения по коррупционным актам. Их можно привлечь к ответственности только как участников общества. Также их можно привлечь к ответственности в качестве контролирующих лиц, которые вправе давать обязательные указания для члена органа юридического лица в отношении принимаемых им решений.

Исследуя органы управления хозяйственных обществ с учетом положений ст. 65.3 ГК РФ, считаем необходимым отметить, что существующее смешение полномочий контр-

олирующего и исполнительного органа, а также возможность совмещения полномочий члена наблюдательного совета и члена коллегиального исполнительного органа, безусловно, не могут положительно сказываться на обеспечении контроля рядовых акционеров за деятельностью управляющих, поскольку по существу из представителя акционеров, которые должны контролировать правление, наблюдательный совет превращается в то же самое правление, что осложняет их всестороннюю юридическую ответственность.

Таким образом, очевидна необходимость совершенствования правовой модели российского акционерного общества. В частности, в ГК РФ следует закрепить более четкую структуру органов управления.

При этом необходимо четко определить полномочия наблюдательного совета как органа, имеющего функции контроля за деятельностью исполнительных органов общества. Следует также исключить путаницу в терминологии и не употреблять как тождественные понятия «наблюдательный совет» и «иной совет», под которым многие понимают совет директоров.

Кроме этого, что касается формулирования соответствующего специального субъекта в примечании к ст. 201 УК РФ, то указанные гражданско-правовые неточности отразились и на неоднозначности юридического закрепления признаков такого субъекта через указание на лицо, выполняющее функции члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, поскольку совет директоров как наблюдательный совет не является исполнительным органом. Соответственно, сложилась определенная коллизия между уголовным и гражданским законодательством, не способствующая унифицированному специально-правовому противодействию коррупции.

Член органа управления несет ответственность, связанную с ненадлежащим исполнением им своих обязанностей по отношению к юридическому лицу.

Единственного учредителя нельзя привлечь к гражданско-правовой ответственности за убытки, причиненные обществу во время осуществления им функций единолич-

ного исполнительного органа, равно как и к уголовной. В то же время если это деяние повлекло причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или иных организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства, наступает уголовная ответственность при наличии всех иных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ.

Вместе с тем единственный учредитель хозяйственного общества (общества с ограниченной ответственностью) вполне может

нести уголовную ответственность за коммерческий подкуп.

Резюмируя, укажем, что при комплексном подходе к определению субъектов юридической ответственности за преступления коррупционной направленности, особенно в частном секторе с участием корпоративных коммерческих юридических лиц, возможно унифицированное правоприменение, что выступает залогом эффективной уголовной политики в сфере противодействия коррупции.

Библиографический список

1. Андреев, В.К. Создание хозяйственного общества / В.К. Андреев // Предпринимательское право. – 2017. – № 4. – С. 9-15.
2. Долинская, В.В. Акционерное право: основные положения и тенденции : монография / В.В. Долинская. – М.: Волтерс Клувер, 2006.
3. Долинская, В.В. Корпоративное управление: обзор проблем / В.В. Долинская // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2007. – № 7.
4. Долинская, В.В. Общее собрание акционеров : монография / В.В. Долинская. – М. : НОРМА, ИНФРА-М, 2016.
5. Комиссарова, Е.Г. Коррупция в аспекте отраслей частного права / Е.Г. Комиссарова // Вестник Тюменского государственного университета. – 2010. – № 2.
6. Корпоративное право : учебник / Е.Г. Афанасьева, В.Ю. Бакшинская, Е.П. Губин и др. ; отв. ред. И.С. Шиткина. – М. : КНОРУС, 2015.
7. Макарова, О.А. Корпоративное право : курс лекций / О.А. Макарова. – М. : Волтерс Клувер, 2010.
8. Мейер, Д.И. Русское гражданское право (в 2 ч.). По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. Изд. 3-е, испр. – М. : «Статут», 2003.
9. Михайлов, В.В. Органы управления юридического лица / В.В. Михайлов // СПС КонсультантПлюс.
10. Могилевский С.Д. Общество с ограниченной ответственностью: законодательство и практика его применения / С.Д. Могилевский. – М. : Статут, 2010.
11. Назарова, Е.Н. Гражданско-правовая ответственность членов органов управления хозяйственных обществ : дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2015.
12. Пехметов, Д.Н. Ответственность единственного участника за убытки, причиненные хозяйственному обществу при осуществлении функций единоличного исполнительного органа / Д.Н. Пехметов // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. – 2016. – № 15-2.